

Было ли это действительно по его собственной воле или же его кто-то обманул и сманил?

Лю Цзань подался вперед еще сильнее, едва не поднявшись со стула. Глядя в ясные, чистые глаза Цуй Се, он спросил:

— В прошлом году тебе ведь еще не исполнилось шестнадцати? В столь юном возрасте откуда тебе знать о пожертвовании усадьбы уезду под постройку библиотеки? Кто-то научил тебя этому? Или тебе что-то пообещали?

Между бровями Цуй Се залегли легкие морщинки, и он спросил в ответ:

— Почему господин так решил? Пожертвование под библиотеку сделано по моему собственному желанию, а подробности от начала и до конца четко изложены в «Записях о ремонте библиотеки уезда Цяньань», написанных начальником уезда Ци. Ваш убогий слуга отдал усадьбу лишь ради того, чтобы приданое покойной матери послужило какому-то более полезному делу, и никто его к этому не подстрекал.

Напряженные брови Лю Цзаня слегка разгладились, и он снова спросил:

— Коли та лавка была приданым твоей почившей матери, она наверняка приносила не менее сотни лян в год от аренды? Ты, ребенок, живешь на чужбине, семейное содержание приходится возить из столицы, а это крайне неудобно. Не побоялся ли ты, что потеря такого дохода помешает твоей учебе?

Вовсе не побоялся. Даже без книжной лавки «Чжижун» у него оставались две лавки «Цзюаньчжай» и открывавшаяся по праздникам «Цзинчжунтан».

Цуй Се слегка отвел взгляд и с исполненным праведного достоинства видом произнес:

— Ученик слышал от слуг, что когда покойная матушка выходила замуж в семью Цуй, мой отец был всего лишь шэньюанем. Семья деда со стороны матери как раз для того, чтобы помочь отцу в учебе, и дала за матерью в приданое книжную лавку. Позже отец получил возможность прочесть множество книг, благодаря чему успешно сдал экзамены на звание цзиньши и смог послужить престолу. Когда я отправился в Цяньань готовиться к экзаменам, матушка, питая точно такие же надежды, решила передать эту книжную лавку мне. И я, получив возможность читать любые книги, всего за с небольшим год жизни в уезде научился писать сочинения и смог отправиться на окружной экзамен...

Так вот откуда у этой книжной лавки такое непростое прошлое! Лю Цзань непрестанно кивал, пока слова «за с небольшим год научился писать сочинения» не привели его в чувство.

Постойте! Написать такое нельзя, просто прочитав пару книг! Обычный человек уж точно не научится так писать только оттого, что прочел несколько лишних томов!

Сочинения по канонам — это еще куда ни шло: если наставник исправит их несколько раз, можно добиться вполне складного слога. Но столь искусный, проницательный ответ на практический вопрос не мог написать ребенок, не выдавший света! Даже академики Ханьлинь, когда им поручали писать канонические эссе и древнюю прозу, выдавали пышный, цветущий слог; а когда дело доходило до рассуждений о злободневных государственных делах, в восьми-девяти случаях из десяти лишь переписывали старые шаблоны.

Он уже собрался перебить Цуй Се и расспросить его о том сочинении как следует, но Цуй Се с еще большим воодушевлением сделал шаг вперед и, подняв голову, заговорил:

— Ученик подумал тогда: разве есть в Поднебесной женщина, которая не мечтала бы, чтобы ее муж учился и стал чиновником? Разве есть мать, которая не надеялась бы, что ее сын сдаст кэцзюй? И разве найдется среди ученых мужей Поднебесной — будь то выходец из бедной семьи или сын чиновника — хоть кто-то, кто не мечтал бы свободно читать любые книги в библиотеке?

Лю Цзань на мгновение растерялся под этим напором и забыл перебить его. Вместо этого он лишь кивнул и произнес:

— И поэтому ты пожертвовал свою лавку...

Цуй Се улыбнулся и мягко сказал:

— Господин проник в самые сокровенные мысли ученика. Хотя мои познания скудны, я, как и цензор Лю, и наш уездный начальник Ци, понимаю всю благородную цель Великого предка нашей династии, основавшего начальные школы и установившего кэцзюй для просвещения народа. Я сочувствую бедным книжникам, которым так тяжело дается учеба, а потому и пожертвовал усадьбу уезду, дабы принести посильную пользу государству.

Се Ин, стоявший рядом, кивнул и спокойно похвалил:

— Сказано хорошо. Сделав столь благородный поступок, ты оправдал высочайшую похвалу Государя, который наделил тебя званием «Преданного государю и чтящего долг».

Лю Цзань слегка обомлел. Вспомнив доску «Спешит на помощь обществу и чтит праведность» над воротами семьи Цуй и императорскую арку в начале улицы, он тут же не решился далее допытываться, как столь юный отрок мог задумываться о служении государству и благе народа.

Перед ним был не просто ребенок, не знающий цены деньгам, а праведник, в свои четырнадцать лет удостоившийся императорской похвалы!

К тому же он уже сдал уездный и окружной экзамен, и стоит ему сдать еще один, областной экзамен, как он станет шэньюанем. А коль скоро он шэньюань, к нему и относиться следует как созревшим мужчине. И если ревностный к общему благу шэньюань пожертвовал свое имущество и книги ради того, чтобы другие могли их читать, о чем тут еще спрашивать?

Опасаться следовало лишь того, что начальник уезда Ци, зная о его стремлении послужить стране, заманил его от имени двора...

Лю Цзань помялся и снова спросил:

— Ты и Ци Шэн — кто из вас первым задумал построить библиотеку?

Строительство библиотеки наверняка пойдет в зачет службе начальника уезда Ци, так не стоит ли сказать, что это была его идея? Цуй Се подсознательно взглянул на Се Ина, надеясь получить от него знак, но Се Ин лишь улыбнулся и качнул головой:

— Говори как есть. Начальник уезда Ци уже все изложил, и цензор Лю лишь хочет послушать твою версию.

Значит, придется признать, что идея принадлежала ему. Начальник уезда Ци лгать не умеет.

Приняв решение, Цуй Се ответил:

— Идея принадлежала мне. На семнадцатом году в Цяньане случилось наводнение, книжная лавка не могла продолжать работу, и ее пришлось сдать в аренду чужим людям. Тогда в заднем дворе лавки поселилась женщина, а отпечатанные там сборники рисунков и книги в народе стали называть «красавица Цуй» или как-то так. Ученику не понравилась такая сомнительная слава, и, вернув усадьбу себе, я больше не хотел открывать там лавку. Но так как у меня было желание дать возможность всем учащимся читать книги, я решил перестроить ее в библиотеку.

— Когда уездный начальник узнал об этом, он сказал, что мне, скромному ученику, не под силу вынести такое бремя, и предложил выделить уездные средства, чтобы построить библиотеку в другом месте. Но поскольку я твердо решил довести дело до конца, а сам не мог справиться, я был рад, если бы его завершил господин Ци, а потому просто пожертвовал уезду ту усадьбу вместе со всеми книгами.

Услышав о красавице Цуй, цензор Лю не удержался и выразил легкое сожаление:

— А почему эта красавица Цуй съехала, ты знаешь, куда она направилась?

Стоило произнести эти слова, как лицо Цуй Се сделалось еще более холодным, чем при входе во внутренний зал. Застыв, он отрезал:

— Ученик не знает. Ученик никогда не видел лица той красавицы Цуй и уж тем более не спрашивал, куда она отправилась.

Улыбка Се Ина на миг стала куда более живой; опустив голову, он слегка поджал губы и тут же вернул себе обычное мягкое выражение лица. Повернувшись к Лю Цзаню, он заметил:

— К чему господин спрашивает об этом? Он еще ребенок, откуда ему знать о красавицах? Спрашивайте лучше по делу.

Эх... Жаль, этот юный ученик слишком мал и еще не умеет ценить красавиц!

По делу спрашивать было уже особо не о чем. Коли Цуй Се по собственной воле пожертвовал книжную лавку и изложил свои причины предельно ясно, без малейшего намека на принуждение, то и обвинения с уезда Цяньань сняты. Вот только в доходе цензора ранее упоминалось, что Цуй Се, будучи сыном, не имел права распоряжаться родительским имуществом, так что надо было спросить его об этом лично.

Выражение лица Лю Цзаня смягчилось. Он откинулся на спинку стула и спросил:

— Та лавка все же принадлежала твоим родителям. Когда ты жертвовал ее, соизволил ли предупредить семью и получить согласие отца с матерью?

Цуй Се, разумеется, ничего не спрашивал. Однако чем сильнее чувствуешь за собой грешок, тем тверже надо держаться. Посмотрев Лю Цзаню прямо в глаза, он изобразил легкую обиду и произнес:

— Тогда уездный начальник заговорил о постройке библиотеки, и ученик согласился прямо на месте, так что времени посоветоваться с семьей не было. Впрочем, верность Государю и есть наивысшая сыновняя почтительность! Зачем же советовать о делах, приносящих пользу стране и народу и воздающих за Высочайшую милость? Господин в столице, должно быть, уже

расспрашивал моих родных. Мой отец — верный слуга престола и безупречный, чистый муж, разве мог бы он вымолвить хоть слово против!

Посметь сказать «нет» было бы изменой!

В этом обществе, где верность государю выше узов между отцом и сыном, долг подданного стоял куда выше семейных обязанностей. Стоит прикрыться именем преданности Государю — и небольшое упущение в сыновней почтительности уже ничего не значит. Разве мало сановников даже не соблюдали траур по родителям, всеми силами добиваясь досрочного выхода из траура, когда надлежало уйти в уединение?

Лю Цзань кивнул и с одобрением сказал:

— Твой почтенный родитель действительно изъявил желание передать имущество престолу. Стало быть, тебя нельзя упрекнуть в том, что ты самоуправно распорядился семейным достоянием. Просто Цяньань отделяют от столицы несколько дней пути, и в столь великом деле верности и праведности ты принял решение немедля, не дожидаясь, пока семья за сотни верст сделает выбор.

Цуй Се слегка опустил голову и, чинно стоя на месте, ответил:

— Господин совершенно прав. Я глубоко ведаю о верности моего отца Государю: в любом деле, что приносит пользу престолу и народу, стоит мне поступить так — и он непременно одобрит это, так что нет нужды посылать людей за разрешением.

Се Ин отвел взгляд в сторону — он просто не мог смотреть на него, опасаясь, что еще один взгляд — и он расхохочется вслух.

На этом цензор Лю закончил допрос. Стоявший позади писарь уже зафиксировал все вопросы и ответы и поднес записи Цуй Се на подпись. Один экземпляр предназначался для Дучаюань, другой — для Цзиньивэй. Просмотрев их и убедившись в отсутствии ошибок, Цуй Се подписал оба документа и приложил отпечаток пальца.

Заместитель начальника Чжан Гуй, полдня просидевший здесь в качестве живого украшения, слегка потянулся, выпрямил спину и спросил:

— Уважаемые господа закончили допрос. Какие будут дальнейшие распоряжения?

<http://bllate.org/book/18372/1761324>